

Лея и Арту догнали их. “Не говори глупостей, - сказала Лея. - Мой отец никогда бы никому не причинил вреда. Вы оба слишком драматизируете.”

Энакин с благодарностью посмотрел на дочь. Ее преданность обнадеживала. Неважно, что она ошибалась, и ее вера в его доброту была неуместна...

- Ты видел, что он сделал с Файзеллу, - сказала Мара.

Лея поколебалась, затем покачала головой, сомнение затуманило ее глаза.

Люк присел на корточки рядом с Файзеллу. - С тобой все в порядке?” он спросил.

Файзеллу кивнула. - Он причинял боль Маре, - сказала она. - Я должна была остановить его.”

- Я никому не причинял вреда, - запротестовал Энакин. Это было нелепо. Почему он должен спорить с этими детьми?

- Ты напугал ее,” сказал Люк. - Ты пугаешь их обоих. Ты должен был позволить мне пойти с тобой, как я и сказал.”

Энакин удивленно уставился на Люка. Люк просто спокойно ответил на его взгляд. Его сын никогда раньше не читал ему лекций, и это был необычный опыт. Шок от этого заставил его сказать Файзеллу: “Прости, малышка. Здесь нечего бояться. Никто не причинит тебе вреда.”

Он знал, что это ложь. Мара тоже это знала. Он мог сказать это по тому, как она смотрела на него с особой мудростью в глазах, которая была слишком старой для ее лет. В ней была смелость, смешанная со здоровым страхом, который исходил от понимания того, на что он был способен, но что более важно, зная, на что был способен Палпатин. Энакин не знал, что она знала о нем и его прошлом с Императором, но он мог рискнуть предположить, что этого было достаточно, чтобы сделать ее очень опасной для его семьи.

Ему не нравилось видеть ее рядом с Люком и Леей. Ему не нравилось думать, что ребенок, воспитанный Сидиусом, вторгся в их жизнь прямо у него под носом. Но вот она здесь; вот они все здесь.

Он хорошо помнил Мару Джейд, и сейчас она ничем не отличалась от той, когда он знал ее в другой жизни. Она была самым многообещающим из чувствительных к силе детей, которых Палпатин собрал в первые дни Империи. В то время как большинство из них были убиты сразу или не пережили экспериментов Палпатина, Император испытал странную симпатию к девушке и воспитал ее, чтобы она была верной и преданной ему.

Как Вейдер, он остро осознавал, что если он не будет осторожен, Сидиус посмотрит на этого ребенка как на замену ему. На самом деле, в какой-то момент он думал, что ее убийство

неизбежно. Император говорил о том, чтобы назначить ее своей Рукой и выпустить ее в галактику в качестве своего доверенного убийцы, и это было слишком похоже на то, чтобы взять ее в ученики для комфорта Вейдера, хотя его учитель придерживался правила Ситхов двух и никогда не обучал Мару искусствам темной стороны.

В ее нынешнем возрасте Мару все еще держали на Корусканте, в Императорском дворце. Она еще не была агентом Империи, просто студенткой. Что - то в идее о том, что ее отправят на Осаллао сейчас, такую молодую и неподготовленную, казалось Энакину абсурдным. Он не чувствовал в ней темной стороны, так что ее все еще не готовили в качестве сменного ученика, несмотря на его долгое отсутствие. О чем только думал Сидиус? Предполагалось, что Энакин станет целью детского убийцы, или это было частью плана для Люка и Леи?

Тот факт, что его учитель знал, где он живет и о его детях, заставил Энакина почувствовать тошноту. Все это время он думал, что скрывался. Он был дураком. Как давно Палпатин знал об этом? И как долго он планировал ждать, прежде чем сделать свой ход?

Это были бы хорошие вопросы для Мары. Но не сейчас, не здесь. Не с его детьми, стоящими там, уже потрясенными тем, чему они стали свидетелями.

Он переводил взгляд с ребенка на ребенка и понял, что должен признать, что не может сделать это самостоятельно. Ему нужна была помощь.

<http://tl.rulate.ru/book/23863/1454506>